

ЕЩЕ РАЗ О «РУССКИХ ПИСЬМЕНАХ»

(К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла)

Более ста лет продолжается спор о том, что представляли собой «русские письмена», какими были написаны евангелие и псалтырь, найденные Константином Философом в Корсуне: открыты же тоу евангелие и Псалтырь. Русскими писменами писано, и чювства шьрѣтъ глаголюща тоу вестѣю, и вестѣю съ нимъ, и емоу рѣчи прѣимъ, свои вестѣи прикладаа различнаа писмена, гласнаа и съгласнаа, и къ богоу молитвоу творя, къ скорѣи начатъ чести и сказати, и мнози съ емоу диклахоу, бога хвалаще¹. В других списках имеется: русскимъ писменемъ и росъскимъ писменомъ².

Многие авторы, придерживающиеся мнения, что у славян существовала письменность до Кирилла и Мефодия, используют это сообщение VIII главы Жития Кирилла и определяют «русские» в смысле «восточнославянские». Ср., например, следующее высказывание П. Я. Черных: «Естественно думать, что корсунские книги были написаны не только русскими буквами, но и на древнерусском языке. Это подтверждается дальнейшим рассказом Жития о том, что Константин научился читать эти книги очень скоро, так что его спутникам — грекам — показалось, будто произошло великое чудо. На самом деле никакого чуда не было;... Константин (Кирилл) и его брат Мефодий были македонскими славянами и говорили на языке, очень близком к древнерусскому»³.

Однако вряд ли такое объяснение верно. Многие ученые (Ц. Тодоров, И. Гошев, В. Ф. Мареш и др.) встретили эту точку зрения критически, и мы уже имели случай признать справедливой и вполне убедительной аргументацию их замечаний⁴.

Вопрос о том, можно ли считать славянскими так называемые «русские письмена», упомянутые в пространном Житии Константина-Кирилла, был поставлен перед учеными в 1963 г. на V съезде славистов в Софии (вопрос № 16). Лишь один Е. Георгиев ответил на него положительно⁵.

¹ П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 12.

² Там же, стр. 49.

³ П. Я. Черных. Язык и письмо. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 131.

⁴ Т. А. Иванова. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960). «Известия АН СССР», Серия лит-ры и языка, т. XXII, вып. 2, 1963, стр. 132.

⁵ Славянска филология, т. II. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание. София, 1963, стр. 68—69.

Снова к этому вопросу он вернулся в статье «За начало то на българската и славянската писменост», в третьем разделе которой привел интересный, разнообразный, но, к сожалению, не вполне достоверный материал о народе, который греки называли именем Ῥῶς. Народ этот, пишет Е. Георгиев, по указанию разных источников, был крещен при византийском императоре Василии Македонце, имел у себя «епископа и пастыря» и, следовательно, нуждался в богослужебных книгах, евангелии и псалтыри. Более того, в «Подробном повествовании о том, как был крещен русский народ», впервые изданном в первой половине XVIII в. Ансельмом Бандури, сообщается, что два греческих миссионера, Кирилл и Афанасий, люди, «добродетельные, умные и ученые», сочли 24 греческих буквы недостаточными для росов и «дали им 35 и по тем их учили»⁶.

Все эти сведения представляются Е. Георгиеву вполне достаточными, чтобы не вызвать больше сомнения в том, что «росьское» письмо евангелия и псалтыри, найденных Кириллом в Корсуне, было письмом «росов», т. е. восточных славян, так как греки именем Ῥῶς называли, с точки зрения Е. Георгиева, именно их, а не какой-либо другой народ. Это, довольно произвольное, отождествление «росов» Фотия и других греческих авторов с обладателями «росьского» письма из Жития Кирилла позволяет Е. Георгиеву не только сделать далеко идущие выводы о наличии в докирилловский период у восточных славян письменности, но и противопоставить приверженцам готской теории «новый сокрушительный аргумент»: корсунские евангелие и псалтырь не могут быть готским переводом епископа Вульфилы, так как готы были крещены задолго до второй половины IX в., а «росы», по Фотию, были язычниками, недавно принявшими христианство⁷.

Однако этот аргумент мог бы иметь «сокрушительную силу», если нет сомнений в том, что «росы» — это действительно восточные славяне. Но такие сомнения были, есть и будут. При настоящем состоянии исторических источников возможны и другие решения этого вопроса. Так, например, Я. Отрембский в статье, посвященной слову *Rusь*, утверждает, что греки именем Ῥῶς называли не славян, а варягов-норманов, а поэтому даже их язык назван «русским» — Ῥωσικῆ, как у Константина Порфирородного. Но вместе с тем Я. Отрембский не считает имя *Rusь* скандинавским по происхождению⁸. Г. Б. Акопов также высказывает сомнение относительно «варяжского» происхождения термина «рус», и на другом материале показывает, что древние авторы этим словом называли разные народы, которые они нередко противопоставляли славянам⁹. Поэтому, безусловно, прав был А. И. Соболевский, когда писал Н. К. Никольскому о его работе, посвященной «русским письменам»: «...горе в том, что слова *русьскъ* и *Rusь* в течение всего домонгольского периода в разных местах Европы имели разные значения»¹⁰.

Но не только это отождествление «росов» с восточными славянами ошибочно в построениях Е. Георгиева. Его теория о том, что «росьский» письмен — это докирилловское славянское письмо, становится совершенно несостоятельной, если признать (как это делает и на что ссылается в своей статье сам Е. Георгиев) достоверным сообщением разных источников о том, что «росы» были крещены при Василии Македонце. Последний, как

⁶ Е. Георгиев. За начало то на българската и славянската писменост. «Език и литература», год. XXI, № 1, 1966, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 65.

⁸ J. O t r e m b s k i. Noch einmal über *Rusь*. «Die Welt der Slaven», Bd. IX. 1—2, 1966.

⁹ Г. Б. А к о п о в. Этимология названия «рус» в свете теории этнической консолидации. «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1967, № 6, стр. 89—101.

¹⁰ Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 247, оп. 3, д. 376, л. 37.

известно, был императором Византии в 867—886 гг., т. е. после Михаила III (842—867), в царствование которого Константин Философ был послан сначала в хозарскую миссию (861 г.), а затем и в славянскую (863 г.). Следовательно, корсунские евангелие и псалтырь не могли принадлежать народу, в то время еще языческому.

Таким образом, новая попытка доказать, что *русские* писмена — это славянская докирилловская азбука, представляется неубедительной.

В 1924 г. Г. А. Ильинский высказал предположение, что чтение *русьскими писменами* возникло в результате простого искажения при переписке первоначального *франкскими > проушскими > роушскими*, т. е. «русские» следует понимать в смысле франкские, или готские. «Малые причины вызывают большие последствия, — писал в заключение Г. А. Ильинский, — и в данном случае ничтожное само по себе орфографическое недоразумение явилось причиной возникновения целой легенды о русских евангелии и псалтыри в Херсонесе Таврическом в самой середине IX в.»¹¹. О том, что такие искажения вполне вероятны, писал А. Вайан, обративший внимание на то, что в XVI главе Жития Кирилла вместо обычного *соури* имеется в ряде списков *рзи*¹². Эта форма, вероятно, с непреднамеренной перестановкой букв послужила А. Вайану одним из оснований созданной им и развитой Р. Якобсоном теории, о том, что под «русским» письмом следует понимать «сирийское» письмо¹³. В дальнейшем В. Ф. Мареш, признав точку зрения Вайана — Якобсона «наиправдоподобнейшей», привел и другие примеры подобных искажений. Так, при переводе лат. «Quod enim graece angelus, hoc latine nuntius dicitur» в Беседах папы Григория Великого в рукописи XIII в. имеется: *еже ко по грьцкѡу ангѡлъ, то по роумскѡу гѡлѡ нарицѡетсѡ*, но в рукописи XVII в. уже читается: *а по роускѡму гѡлѡ нарицѡетсѡ*¹⁴.

В настоящее время, когда опубликована еще одна переработка «Сказания о писменах» Храбра, недавно обнаруженная в Музее сербской церкви в Сборнике из коллекции Радослава Груича под № 219, следует согласиться с автором публикации Б. Стипчевич, что гипотеза Вайана — Якобсона находит в открытой ею рукописи дополнительное подтверждение¹⁵. Данная рукопись, как и другая переработка «Сказания» Храбра из Берлинского сборника, впервые опубликованная В. Караджичем в 1857 г., содержит форму *роусомѡ* вместо обычной формы *асирѡмѡ*, *асуриѡмѡ*¹⁶, т. е. «сирийцам», в других списках «Сказания»: *Персомѡ* и *Халдеѡмѡ*, *Роусомѡ* *дѡс(тѡ)* звездочатие. Особенно важно для решения вопроса о *роуцкыѡхъ* (*роушкыѡхъ*) евангелии и псалтыри то, что в этой переделке «Сказания» язык, на котором говорил Адам, назван не «сирийским», как во всех других списках, а *роушшкимѡ*: *нес(тѡ) Б(ог)ѡ створилѡ жидовскиѡхъ, ни роуменскиѡхъ, елииска, ноу роушшкимѡ езикѡмѡ* *ѡд(а)мѡ г(лаго)лѡ*.

Если в отношении «*русских*» («*рушких*», «*росских*») евангелии и псалтыри с большей или меньшей долей вероятности можно предполагать все

¹¹ Г. А. Ильинский. Один эпизод из корсунского периода жизни Константина Философа. «Slavia», г. III, seš. I, 1924, s. 64.

¹² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1895, стр. 291.

¹³ A. Vaillant. Les «lettres russes» de la Vie de Constantin, — «Revue des études slaves», t. 15, 1—2, Paris, 1935. См. также: R. Jakobson. Saint Constantin et la langue syriaque. «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. 7. New York, 1939—1944.

¹⁴ Славянска филология, т. II. Отговори на въпросите за научната анкета по литературознание. София, 1963, стр. 69.

¹⁵ B. Stipčević. Marčanska varijanta «Skazanja o sloveseh» Crnoriska Hrabra «Slovo», t. 14. Zagreb, 1964, s. 52—57.

¹⁶ К. М. Куев. Черноризец Храбър. София, 1967, стр. 190, 193, 196 и др.

что угодно, то в отношении языка, на котором говорил библейский Адам, этого сделать нельзя: по преданию, которым воспользовался Храбр, он говорил на *сирийском*, а не на древнерусском, готском или ином языке.

О том, что язык корсунских книг действительно мог быть одним из древнесемитских языков, косвенно свидетельствует содержание VIII главы Жития, предшествующее сообщению об обретении Кириллом в Корсуне «русских» евангелия и псалтыри. Из этой главы мы узнаем, что, придя в Корсунь, Константин Философ вначале научи сѧ тѡу жидѡвскѡмъ бѣсѣдѣ и книгѡмъ, затем он встретился там с неким самаритянином, который принес ему самаренскыя книги, и Константин вскоре отъ бога разѡумъ приимъ, чѣстѡ нача книги бѣс порока, и только после этого обрѣте тѡу евангеліе и псалтыря русскымаи писменаи писано¹⁷. Таким образом, «русский» оказывается в одном ряду с древнееврейским и самаритянским.

Кроме того, Константину, чтобы научиться читать «русские» книги, пришлось усвоить различіе писмена, гласнаа и сѧгласнаа, т. е. такой алфавит, который отличался от греческого в передаче гласных и согласных, что и было характерно для древнеарамейских алфавитов, передававших гласные системой различных значков¹⁸. Сирийский же алфавит, имевший эту характерную особенность древнеарамейских алфавитов, вместе с тем, по начертанию букв существенно отличался от древнееврейского и самаритянского (разновидности древнееврейского) алфавитов. Однако Константин, уже читавший древнееврейские и самаритянские книги, конечно, мог без особого труда усвоить и сирийский алфавит, тем более, что содержание книг, которые он читал (евангелие и псалтырь), было ему более чем хорошо известно. Тем более, что сирийский язык, на котором они были написаны, был близок к языку, которым Константин владел в совершенстве. Как сообщает В. Кипарский, ссылаясь на финских ориенталистов А. Салонена и Ю. Аро, в IX в. разница между еврейским и сирийским языками была незначительной, приблизительно такой же, как между современным шведским и исландским или немецким и голландским. В связи с этим весьма показателен тот эксперимент, о котором пишет В. Кипарский: «Я сам хорошо знаю немецкий и шведский языки, но никогда не занимался специально ни голландским, ни исландским. И вот, взяв сперва голландскую, потом исландскую газету, я убедился, что при помощи немецкого и шведского без всякой подготовки (грамматики, словаря и т. п.) понимаю суть голландской и исландской передовиц. Ручаюсь, что «вскоре», не позже чем через неделю я бы при известном усердии научился читать и понимать свободно и по-голландски и по-исландски, а ведь Кирилл был, несомненно, гораздо способнее меня. Таким образом, если Кирилл хорошо знал еврейский (а он не только хорошо знал, но даже составил еврейскую «грамматику в восьми частях»...), то он понимал суть сирийских текстов без всякой подготовки, а через недели две мог научиться читать их свободно и даже болтать по-сирийски»¹⁹. Следовательно, тот скептический взгляд некоторых ученых, что Константин не мог *къскорѣ* научиться читать и понимать евангелие и псалтырь, написанные русскымаи писменаи, если это письмо не было славянским, не имеет достаточных оснований.

Все вышеизложенное позволяет признать гипотезу А. Вайана о «русском»—*сирийском* письме корсунских книг наиболее убедительной.

¹⁷ П. А. Л а в р о в. Указ. соч., стр. 11—12.

¹⁸ И. Г о ш е в. С какво писмо са били написани двете книги, които създателят на славянското писмо намерил в Херсон. «Език и литература», год. XIII, 4, 1958, стр. 249.

¹⁹ В. К и п а р с к и й. О происхождении глаголицы. «Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му». София, 1968, стр. 95.